

исследователи наиболее опасной, авантюристичной и провокационной считают предвоенную политику Австро-Венгрии⁴⁶, другие полагают, что Первая мировая война явилась не более, чем очередной попыткой Германии поставить Европу под свой контроль – одной из многих на протяжении столетий⁴⁷. Однако степень виновности Берлина за развязывание мирового конфликта, по мнению третьих, остается выясненной не до конца. Например, Х. Стрэчан считает, что предвоенные мобилизационные мероприятия России «загнали Германию в угол», попросту не оставив ей выбора⁴⁸. К. Нейлсон предлагает различать понятия общей виновности и непосредственной ответственности за войну (в его интерпретации, первая категория носит более долговременный и потому объективный характер) и в целом отказаться от привычки рассматривать международные отношения в Европе исключительно с точки зрения предопределённости войны в 1914 г. и «германоцентризма», сопутствующего такому подходу: за малыми исключениями до сих пор в трудах историков, пишет он, межгосударственные отношения предвоенных лет рассматриваются только так, «как если бы они вели к грядущему конфликту». Тем не менее для этого исследователя, как и для большинства современных отечественных и зарубежных историков, неоспоримо, что непосредственная ответственность за начало войны в 1914 г. лежит именно на Австро-Венгрии и Германии⁴⁹.

---

⁴⁶ *Fellner F. Austro-Hungary // Decisions for War / Ed. by K. Wilson. L., 1995. P. 9–26; Tunstall G., jr. Austro-Hungary // Origins of World War I / Ed. by R. Hamilton and H. Herwig. Cambridge, 2003. P. 112–149.*

⁴⁷ *Fergusson N. The Pity of War. L., 1998; Simms B. Europe: The Struggle for Supremacy, 1453 to the Present. L., 2013.*

⁴⁸ *Strachan H. Op. cit. P. VI.*

⁴⁹ *Neilson K. Op. cit.*

Проигранная война, поиск виновников и тень нацизма: Первая мировая война в немецкой историографии

Оксана Нагорная, Игорь Нарский

В череде многочисленных юбилеев – эффективного инструмента исторической политики¹ – столетие Первой мировой войны играет особую роль. Призванный внести посильный вклад в подведение итогов и исцеление ран драматичного XX в., этот юбилей посвящён событию, положившему начало трагедиям минувшего столетия. Парадоксальность самого коммеморативного повода для ряда центрально- и восточноевропейских стран усиливается тем

© 2014 г. О.С. Нагорная, И.В. Нарский

¹ О юбилеях как инструменте реализации исторической политики, укрепления коллективной памяти и идентичности см.: *Кузнецов А., Маслов А. Диктатура юбилеев, мемориальный бум как призрак иной повседневности // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя / Под ред. Г.А. Бордюгова. М., 2011. С. 514–548; Историческая политика памяти в XXI веке / Под ред. А. Миллера и М. Липман. М., 2012.*

обстоятельством, что в них, в отличие от Великобритании и Франции, Великая война в течение десятилетий не относилась к числу краеугольных камней исторической памяти и стала важным сюжетом исторических исследований и общественной дискуссии относительно недавно. К странам, где коллективная память о Первой мировой войне не столько поддерживается, сколько ещё формируется или переформируется заново, в известной степени относится и Германия, в которой проигранная в 1918 г. мировая война в межвоенный период воспринималась как достойная забвения или реванша национальная травма, а после 1945 г. оказалась в длинной тени национал-социализма, Второй мировой войны и Холокоста.

В данном обзоре пунктирно намечены смена конъюнктуры в концептуализации Первой мировой войны в Германии и основные итоги историографического осмысления немецкими историками важнейших сюжетных линий истории этой войны за последние два десятилетия. К темам, в исследовании которых международная, в том числе немецкая, историография, на наш взгляд, совершила существенные прорывы, следует отнести проблематику фронтового опыта в целом и насилия в частности, определяющего воздействия тотальной войны на организацию тыла и коммуникативные практики во время и вокруг войны, особенно коллективную память о Великой войне. Сюжеты, в исследовании которых качественных перемен в последние годы авторами данного обзора не обнаружено – например, дипломатическая история войны, – в статье отдельно не рассматриваются и упоминаются исключительно в связи со сменой конъюнктуры изучения войны. Учитывая зависимость восточногерманской историографии от советской «политики памяти» и стремясь придерживаться объёмов, предусмотренных жанром историографического обзора, мы исключили из него изучение Первой мировой войны в ГДР. Глобальный характер современной исторической науки и размывание границ национальных историографий обуславливает включение в анализ значимых интернациональных исследовательских и энциклопедических проектов по истории Первой мировой войны, а также работ историков других стран, активно воспринятых немецким историческим цехом.

Определяя основные интерпретации, с помощью которых историки осмысливают феномен Первой мировой войны, американский исследователь М. Гайер в немецкой публикации, подготовленной в связи с поминовением в Германии 90-летия события, выделил три концепта, особо популярных среди современных историков и десять лет назад, и сегодня: «катастрофы, породившей столетие», «европейской гражданской войны» и «людской бойни» / «краха цивилизации»². Первый из терминологической триады – мировая война как «родовая катастрофа» (немецкий термин *Urkatastrophe* имеет более драматичные коннотации и может быть переведён как «исходная» катастрофа) в действительности является самым молодым термином. Он принадлежит американскому дипломату и историку Дж.Ф. Кеннану, который использовал такое определение Первой мировой войны в исследовании европейской дипломатии конца XIX в., опубликованном в 1979 г. и изданном на немецком языке двумя годами позже³. Кеннан подразумевал под «исходной катастрофой» не «гумани-

---

² См.: *Geyer M. Urkatastrophe, Europäischer Bürgerkrieg, Menschenschlachtenhaus – wie Historiker dem Epochenbruch des Ersten Weltkrieges Sinn geben // Der Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung. Berlin, 2004. S. 24–33.*

³ См.: *Kennan G.F. Bismarcks Europäisches System in der Auflösung: Die Französisch-Russische Annäherung 1875–1890. Frankfurt a/M, 1981.*

тарную катастрофу», т.е. гибель миллионов людей, а кризис мировой политики – утрату Европой руководящих позиций в мире из-за стремления Германии к мировому господству, неспособность европейских дипломатов собственными силами установить прочный мир. Хотя этот концепт, как и всякий другой, имеет свои интерпретационные границы, он продуктивен для понимания того, как и почему после 1914 г. Европа в течение нескольких десятилетий дрейфовала от одного кризиса к другому.

Второй концепт – Первая мировая как «европейская гражданская война» (Europaeischer Bürgerkrieg), по мнению М. Гайера, приобрёл вторую жизнь лишь на исходе XX в. Место и время его первоначального рождения – Веймарская Германия, его авторы – идеологи национал-социализма, интерпретировавшие эпоху мировых войн как время смертельного противостояния принципиально различных идеологий, государственных порядков, образов жизни и культур. Несмотря на сомнительное происхождение, образ «европейской гражданской войны» имеет определённые когнитивные достоинства. Он позволяет увидеть принципиальные отличия мировых войн от привычных войн XIX в. – стирание границ между фронтом и тылом, между комбатантами и гражданским населением, непримиримую войну идеологий, норм и ценностей. Концепция «европейской гражданской войны» близка, таким образом к теории «тотальной войны», возникшей, кстати, тоже в результате дебатов об опыте Первой мировой войны в 1920–1930-х гг.⁴

Наконец, третий концепт – Первая мировая война как «людская бойня» («Menschenschlachtenhaus»), или «крах цивилизации» («Zivilisationsbruch») – наиболее точно охватывает доминировавшие в конце XX в. антивоенные настроения, полагает американский историк. Правда, и сами термины, и антивоенные голоса звучали и накануне Первой мировой войны, и в ходе, и по её завершении. Образы «бойни» и «цивилизационного краха» в 1920–1930-х гг. были призваны придать смысл проигранной, а потому бессмысленной войне и ничем не оправданным потерям. Однако они далеко не всегда сопровождались гуманистическими и антивоенными коннотациями и могли, наряду с виктимизацией современников войны, служить героизации фронтовиков и реваншистским настроениям, как это и было в межвоенной Германии.

Экскурс в краткий обзор М. Гайером современных интерпретаций Первой мировой, на наш взгляд, позволяет лаконично очертить динамику и специфику немецкой историографии Великой войны. Многочисленные альтернативные версии её описания и осмысления сложились по «горячим следам». Образы «кризиса», «катастрофы», «бойни», «гражданской войны» (последний, как и в Советской России, имплицитно проводил водораздел между «справедливыми» и «несправедливыми» войнами) были предельно политизированы и инструментализировались противоборствующими партиями в 1920–1930-х гг. как в антивоенных, так и в реваншистских целях. Центральной темой политического и научного дискурса был вопрос о виновниках бессмысленной «бойни». С целью опровергнуть вину за развязывание войны, целиком и полностью возложенную ст. 231 Версальского мирного договора на Германию, внешнеполитическое ведомство этой страны создало специальный отдел по пропаганде её невинности. В 1926–1927 гг. увидела свет 40-томная публикация дипломатических

---

⁴ Краткое введение в концептуализацию тотальной войны см.: *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 гг. // Опыт мировых войн в истории России / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 12–27.

бумаг из архива германского МИД, призванная продемонстрировать миролюбивую политику кайзеровской империи накануне войны⁵. В период Веймарской республики публиковались многочисленные политические памфлеты, в том числе при участии известных историков из Германии, стран-участниц Антанты и нейтральных стран, доказывавших клеветнический характер обвинения Германии как единственного или главного инициатора мировой войны⁶.

В Третьем рейхе обращение к Первой мировой войне и к обвинению Германии в её развязывании служило поводом для укрепления нацистской диктатуры. Неудивительно, что изучение этой войны в течение полутора послевоенных десятилетий казалось историкам утратившим актуальность. В 1950-х гг. такие авторитетные западногерманские историки, как Г. Риттер и Ф. Майнеке, считали возможным в трактовке Первой мировой войны возобновить историографическую линию 1920-х гг., отрицали связь опыта Первой мировой с историей нацизма и игнорировали достижения современной международной историографии в области её изучения⁷. В лучшем случае историки соглашались с тезисом о том, что ни одна из мировых держав не желала этой войны и все они, включая Германию, оказались вынужденными заложниками международного дипломатического и военного тупика, в котором оказались к лету 1914 г. Именно в 1950-х гг. «Первая мировая война стала казаться устаревшей исследовательской темой, а в публичном пространстве она исчезла за медийным и публицистическим присутствием Второй мировой войны»⁸.

Начало нового этапа в историческом исследовании Первой мировой войны датируется 1961 г. и связано с книгой гамбургского историка Ф. Фишера «Рывок к мировому господству»⁹. Разногласия вокруг книги, воспринятой старшим поколением немецких историков как личное оскорбление, вызвали к жизни первый «спор историков». Историографический и общественно-политический прорыв, осуществлённый благодаря исследованию Фишера, состоял, во-первых, в доказательстве непомерных территориальных appetites консервативных кругов кайзеровской Германии к 1914 г., во-вторых, в последовательном отстаивании тезиса о сознательном развязывании мировой войны правящими кругами Германии и, в-третьих, в обосновании преемственности германских амбиций между 1914 и 1945 гг.

Западногерманская историография 1960–1970-х гг. вследствие «разногласий вокруг Фишера» переориентировалась с вопроса о виновниках развязывания войны на ревизию её политической, а затем – структурной и социальной истории. Наиболее впечатляюще её социальное и экономическое измерения представлены в исследовании Ю. Кокки «Классовое общество в войне»¹⁰, изданном в 1973 г. В работах этого направления собственно война оказалась

---

⁵ См.: Die Große Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Lepsius J. u.a. 40 Bd. Berlin, 1926–1927.

⁶ См.: Heinemann U. Die verdrängte Niederlage. Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik. Göttingen, 1983.

⁷ Подробнее об основных вехах послевоенной западногерманской историографии см.: Hirschfeld G., Krumeich G. Die Geschichtsschreibung zum Ersten Weltkrieg // Enzyklopädie Erster Weltkrieg / Hg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Paderborn, 2003. S. 304–315.

⁸ Krumeich G. Konjunkturen der Weltkriegserinnerung // Der Weltkrieg 1914–1918. Ereignis und Erinnerung. Berlin, 2004. S. 72.

⁹ Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/1918. Düsseldorf, 1961.

¹⁰ Kocka J. Klassengesellschaft im Krieg. Deutsche Sozialgeschichte 1914–1918. Göttingen, 1973.

бледным фоном, на котором разворачивались количественно измеряемые макропроцессы и действовали безличные социальные структуры¹¹. Насилие, страдание и смерть и прочие характерные для «людской бойни» феномены на какое-то время оказались в ФРГ за пределами исследовательского интереса.

Новый поворот в германской историографии обозначился в середине 1980-х гг. в связи с речью президента ФРГ Р. фон Вайцзеккера в Бундестаге 8 мая 1985 г. и вторым «спором историков» 1986–1987 гг. В обоих случаях было наиболее последовательно и бескомпромиссно проработано нацистское прошлое. В этом контексте конъюнктура для интенсивного научного и общественного осмысления Первой мировой вновь оказалась благоприятной. На этот раз в центре исследовательского интереса оказалась субъективная реальность войны: восприятие и поведение исторических акторов, изучаемые с привлечением подходов истории культуры, повседневности, опыта, эмоций и новых видов источников – личных свидетельств и визуальных объектов. Накануне 90-летия Первой мировой развернулась дискуссия вокруг тезиса Г.-У. Велера об эпохе мировых войн как «второй тридцатилетней войне», выдвинутого в его книге о социальной истории Германии 1914–1949 гг.¹²

Тогда же увидела свет (переизданная пять лет назад) этапная энциклопедия Первой мировой войны, в которой под руководством немецких историков около 140 экспертов из многих стран подвели итог её исследованию в международном масштабе¹³. Симптоматичным видится включение в увесистый том не только традиционных региональных сквозных обзоров, посвящённых истории отдельных стран, но и кратких описаний социальных и антропологических измерений войны: насилия, голода, принудительного труда, траура. При всей неоднозначности данного издания оно стало определённым методологическим ориентиром не только для немецкой, но и для российской историографии¹⁴. Продолжением этого проекта представляется онлайн-энциклопедия Первой мировой войны, создаваемая в настоящий момент интернациональной командой историков под эгидой Берлинского свободного университета и намеченная к презентации в текущем году¹⁵. Показателен не только выбор английского языка публикации, но и построение её на платформе Википедии. Логика создания и структурирования материала выдаёт образцовый характер Западного фронта для кураторов проекта, а также влияние современной политкорректности: в энциклопедии предполагается наличие статей о роли в Первой мировой

---

¹¹ См., например: *Geiss J.* Das Deutsche Reich und der erste Weltkrieg. München, 1978; *Kielmannsegg P.* Deutschland und der Erste Weltkrieg. Stuttgart, 1980; *Mai G.* Das Ende des Kaiserreichs: Politik und Kriegsführung im Ersten Weltkrieg. München, 1987; *Piekalkiewicz J.* Der Erste Weltkrieg. Düsseldorf, 1988; *Deist W.* Militär, Staat und Gesellschaft. München, 1991.

¹² *Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vom Beginn des Ersten Weltkrieges bis zur Gründung der beiden deutschen Staaten, 1914–1949. München, 2003. Образ «31-летней войны» как формативного этапа «века крайностей» почти десятью годами ранее выдвинул в своей книге о «коротком XX веке», переведённой на немецкий язык в 1998 г., Э. Хобсбаум. См.: *Hobsbawm E.* Das Zeitalter der Extreme. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. München; Wien, 1998 (русский перевод см.: *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004).

¹³ *Enzyklopädie Erster Weltkrieg* / Hg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Paderborn, 2003; *Enzyklopädie Erster Weltkrieg. Aktualisierte und erweiterte Studienausgabe* / Hg. G. Hirschfeld, G. Krumeich, I. Renz. Paderborn, 2009.

¹⁴ См.: Россия в Первой мировой войне: Энциклопедия / Под ред. Е.Ю. Сергеева. В 2 т. (в печати).

¹⁵ 1914-1918-online. International Encyclopedia of the First World War (URL: <http://www.1914-1918-online.net>).

войне современных суверенных государств (например, Украины, Финляндии, Армении), являвшихся на момент войны неотделимыми частями традиционных европейских монархий.

Носителем поворота к культурной истории войны в Германии, как, впрочем, и в других странах, стало поколение историков, не являвшихся очевидцами Второй мировой войны и способных поэтому историзировать Первую мировую, отделив её от эмоциональных травм нацизма и Второй мировой. Судя по результатам последних лет, о которых речь пойдёт ниже, в ближайшие годы изучение истории Первой мировой как в международном масштабе, так и в Германии будет развиваться в направлении, во-первых, сближения и комбинирования культурно-исторических и социально-исторических подходов, во-вторых, исследования более длительных тенденций (с конца XIX до середины XX в.), и, в-третьих, преодоления разрыва в интенсивности изучения мировой войны на западе Европы и в других регионах¹⁶.

Изучение собственно военной, фронтовой истории Первой мировой прошло тот же путь, что и вся международная историческая наука, в том числе и западногерманская: смену исследовательской оптики с истории событий и выдающихся людей на историю опыта и «маленького человека». Современные трактовки опыта Первой мировой располагаются между полюсами нескольких дихотомических моделей. С некоторым упрощением основные из них можно обозначить как «катастрофическую» и «адаптационную»¹⁷. Согласно первой, описанной выше и более характерной для политической истории, Первая мировая война оказалась главной катастрофой XX в. и основной причиной последовавших за нею политических, социальных и хозяйственных кризисов и потрясений, культурной дезориентации и брутализации европейских обществ. Вторая модель, преимущественно социально-историческая, помещает войну в более длительный исторический контекст и рассматривает её как своего рода испытание европейских социально-политических и экономических систем на прочность, поскольку она драматично ускорила многие тенденции развития, которые обнаруживаются и в довоенной Европе. В этом случае акцент смещается на продолжение модернизационных процессов (в том числе на создание элементов социального государства).

В свою очередь, в рамках современной «адаптационной» модели объяснения насилия эпохи мировых войн можно обнаружить дифференцированные оценки общего и особенного в военном опыте стран – участниц войны. Одни исследователи, преимущественно социально-исторического профиля, исходят из убеждения, что послевоенную практику насилия можно объяснять только в тесной связи с историей того или иного национального государства. Так, по мнению гёттингенского историка Д. Шумана, «необходимо отойти от обобщенной характеристики первого из европейских послевоенных периодов XX века. Не опыт насилия на войне сам по себе определил дальнейшее развитие, а та или иная политическая культура, в рамках которой этот опыт разместился или обострился. Традиции и структуры, *longue durée* в конечном счёте были весомее, чем глубокий след войны и революции»¹⁸. Другие

¹⁶ См.: *Nübel C.* Neue Forschungen zur Kultur- und Sozialgeschichte des Ersten Weltkriegs. Themen, Tendenzen, Perspektiven (URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/forum/2011-06-001>).

¹⁷ Подробнее см.: *Schumann D.* Europa, der Erste Weltkrieg und die Nachkriegszeit: eine Kontinuität der Gewalt? // *Journal of Modern European History*. Vol. 1. № 1. 2003. S. 25–26.

¹⁸ *Ibid.* S. 25.

историки обращают большее внимание на общеевропейский репертуар опыта Первой мировой¹⁹.

Впрочем, обе модели описания природы насилия, вероятно, страдают известной односторонностью. Как показывает следующий пример, один и тот же эмпирический материал и даже одним и тем же автором может относительно органично интерпретироваться в рамках схемы как «интернациональной», так и «национальной» природы насилия в эпоху мировых войн. Известный берлинский историк, авторитетный специалист по истории советского насилия Й. Баберовский в своём исследовании сталинизма «Красный террор», выдержавшем несколько изданий на многих языках, подчёркивал модернизирующее влияние Первой мировой войны на Российское государство и общество: «В Первой мировой войне в России также возникла современная мобилизационная диктатура, которая стремилась мобилизовать население для целей армии и устранить предполагаемых врагов из общества. В этом она предвосхитила большевистское командное государство»²⁰. Несколькими годами позже, опираясь на отработанную им ранее концепцию «домодерных, безгосударственных пространств»²¹, в которых, по его убеждению, и происходили самые жестокие эксцессы насилия XX в., он в версии «Красного террора», первоначально подготовленной для англоязычного читателя, противопоставил европейским буржуазным обществам российское и советское общество как «пространство насилия», избежавшее модернизационных импульсов Первой мировой войны. В итоге в его представлениях о влиянии Первой мировой войны на российскую историю произошло существенное смещение акцентов: «Правда, в Первой мировой войне возникла современная мобилизационная диктатура, которая попыталась подчинить население требованиям войны, улучшить производство и распределение вооружения и поставить управление на службу фронту. Но эта командная диктатура была ничем иным как неудачной копией германского военного хозяйства»²².

Вероятно, использование лишь одной из интерпретационных схем упрощает анализ Первой мировой войны, в которой сложно переплетались разнонаправленные феномены, в том числе в сфере применения насильственных практик, что делает желательной комбинацию различных объяснительных парадигм. Д. Шуман обратил внимание, что позиционная и манёвренная войны могут формировать разный опыт насилия: «“Битвы ресурсов”, в которых отдельный солдат чувствовал себя объектом неконтролируемой техники уничтожения, определяющие по нынешний день всеобщее представление о Первой мировой войне на фронте во Франции и Бельгии, чаще всего не закладывали в нём устойчивого потенциала насилия. На Восточном фронте война, напротив, была в гораздо большей степени манёвренной войной, меньше ограничивавшей активность солдат и придававшей большее значение индивидуальному использованию оружия, чем на Западном фронте... Собственноручное убийство и нанесение ран, а также представление о центральном военном значении этого,

---

¹⁹ См., например, новаторскую работу американского историка П. Холквиста, этапный характер которой признан международной, в том числе немецкой, историографией: *Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge (Mass.), 2002.

²⁰ *Baberowski J. Der Rote Terror. Die Geschichte des Stalinismus*. 2. Aufl. München, 2004. S. 26.

²¹ См., например: *Baberowski J. Moderne Zeiten? Einführende Bemerkungen // Moderne Zeiten? Krieg, Revolution und Gewalt im 20. Jahrhundert* / Hg. J. Baberowski. Göttingen, 2006. S. 7–10.

²² *Baberowski J. Verbrannte Erde. Stalins Herrschaft und Gewalt*. München, 2012. S. 44–45.

то есть в первую очередь активное, а не пассивное участие в событиях... вело к развитию жестокости в солдатах»²³.

Другими словами, при оценке роли Первой мировой войны в эскалации насилия следует исходить, помимо прочего, из гетерогенности военного опыта вследствие чередования на её фронтах, особенно на Восточном, фаз позиционной и манёвренной войны. По мнению Д. Шумана, в классической окопной войне, более характерной с конца 1914 г. для Западного фронта, солдат скорее мог ощущать себя беззащитной жертвой насилия, чем её субъектом. Как считает немецкий историк, окопная война в большей степени способна породить не милитаристов, а пацифистов. Она требует самообладания и выдержки солдатской массы и призвана «цивилизировать» и «дисциплинировать» её в духе концепций Н. Элиаса и М. Фуко. На Восточном фронте, где большую роль играли кавалерийские и штыковые атаки и рукопашный бой, опыт «активного убийства» мог содействовать массовой брутализации солдат.

В новейших исследованиях Первой мировой немецкие историки широко используют представление о фронтовом опыте как своеобразном процессе обучения, в ходе которого и военное руководство, и офицерский корпус, и солдатские массы приспособлялись к новым обстоятельствам, учились действовать в условиях тотальной войны, длительных массированных артиллерийских обстрелов и многомесечных окопных будней²⁴. Картина фронтовой повседневности, к которой исследователи обратились в 1990-х гг.²⁵, в последние годы становится всё более сложной благодаря исследованию таких маргинальных ранее тем, как Восточный фронт²⁶, фронтовой досуг²⁷, а также за счёт привлечения личных свидетельств, прежде всего фронтовых дневников и писем²⁸.

---

²³ Schumann D. Op. cit. S. 32.

²⁴ См., например: Hüppauf B. Schlachtenmythen und Konstruktion des «Neuen Menschen» // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...» Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld, G. Krummeich. Essen, 1993; Hoffmann D. Das Volk in Waffen. Die Kreation des deutschen Soldaten im Ersten Weltkrieg // Das Volk. Abbild, Konstruktion, Phantasma / Hg. A. Graczyk. Berlin, 1996. S. 83–100; Lipp A. Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung 1914–1918. Göttingen, 2003; Beyrau D. Der Erste Weltkrieg als Bewährungsprobe. Bolschewistische Lernprozesse aus dem «imperialistischen» Krieg // Journal of Modern European History. Vol. 1. № 1. 2003. P. 96–123; Wolz N. Das lange Warten. Kriegserfahrungen deutscher und britischer Seeoffiziere 1914 bis 1918. Paderborn, 2008; Meteling W. Ehre, Einheit, Ordnung. Preußische und französische Städte und ihre Regimenter im Krieg. 1870/71 und 1914–1919. Baden-Baden, 2010; Stachelbeck C. Militärische Effektivität im Ersten Weltkrieg. Die 11. Bayerische Infanteriedivision 1915 bis 1918. Paderborn, 2010.

²⁵ См., например: Frontalltag im Ersten Weltkrieg. Wahn und Wirklichkeit / Hg. B. Ulrich, B. Ziemann. Frankfurt a/M, 1994.

²⁶ См., например: Die vergessene Front. Der Osten 1914/1915 / Hg. G.P. Groß. Paderborn, 2006. На международное исследование Восточного фронта большое воздействие оказала работа американского историка В.Г. Лилевичуса о немецком опыте на восточном театре военных действий в 1914–1918 гг., изданная в Кембридже в 2000 г. и двумя годами позже переведённая на немецкий язык. См.: Lilievicius V.G. Kriegsland im Osten. Eroberung, Kolonisierung und Militärherrschaft im Ersten Weltkrieg. Hamburg, 2002.

²⁷ См., например: Tauber P. Vom Schützengraben auf den Grünen Rasen. Der Erste Weltkrieg und die Entwicklung des Sports in Deutschland. Berlin, Münster, 2008.

²⁸ См., например: Rote im Feldgrau. Kriegs- und Feldpostbriefe junger linkssozialdemokratischer Soldaten des Ersten Weltkrieges / Hg. G. Engel. Berlin, 2008; Jünger E. Kriegstagebuch 1914–1918. Stuttgart, 2010; Рухтер С. Война как опыт, приобретённый на чужбине. Образ России в письмах с фронта солдата Фридриха Грелле // Россия и Германия в XX веке. Т. 1: Обошление властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. М., 2010. С. 791–812.

Некоторое «истощение» публикаций о фронтовой действительности Первой мировой войны в последние два-три года является, скорее всего, «затишьем перед бурей» юбилейных публикаций 2014 г.

Вопрос о тенденциях развития так называемых войн современного типа с середины XIX до середины XX в. стал центральным для интернационального сообщества европейских историков, объединившихся в рамках Рабочей группы по изучению военной истории (*Arbeitskreis für Militärgeschichte*, АКМ). Основой серии их конференций и публикаций послужили дискуссии вокруг пропагандистского слогана «тотальная война», родившегося в дебатах межвоенного времени и используемого ныне как аналитический конструкт²⁹. Развитие полемики о преемственности и разрывах в процессе «тотализации военных действий» вписывается в общий вектор эволюции современной военной истории: первоначальный фокус на вопросах планирования и ведения военных действий сместился на исследование социальных и социокультурных процессов в европейских национальных государствах. По мнению большинства исследователей, Первая мировая явилась переломным моментом в становлении модели «тотальной войны», так как именно в ходе этого конфликта традиционные способы ведения боевых действий были вытеснены тотальными формами контроля и мобилизации населения и ресурсов. С другой стороны, именно модель тотальной войны позволяет увидеть в Первой мировой как пережитки традиционных войн, так и новые тенденции.

Её переходный характер хорошо иллюстрируется феноменом военного плена, который в интернациональной историографии за несколько лет превратился из «короткой вспышки на исследовательском горизонте» в активно разрабатываемое тематическое поле³⁰. Существующие на сегодняшний день работы подчёркивают многомерность данной темы: массы вражеских солдат в плену и собственных подданных в лагерях противника приобрели для государств-участников весомое военное, экономическое и дипломатическое значение. Обращение к проблематике военного плена позволяет по-новому взглянуть и на процесс брутализации поведения комбатантов, на развитие системы международного права, а также на особенности приспособления воюющих обществ к первой индустриальной войне. Замкнутый круг взаимных репрессий на Западном фронте позволил А. Беккер определить военнопленных Первой мировой как «первых жертв процесса тотализации военных действий»³¹. Напротив, работы Р. Нахтигала и Г. Вурцера, описывающие соответственно дипломатические отношения на Восточном фронте и содержание немецких офицеров в России, подчёркивают ограниченный характер перехода традиционных монар-

---

²⁹ См.: *Chickering R., Foerster S.* Great War, total war. Combat and mobilization on the Western Front, 1914–1918. Cambridge, 2000; *An der Schwelle zum totalen Krieg. Die militärische Debatte über den Krieg der Zukunft* / Hg. S. Foerster. Paderborn, 2002; *Ферстер С.* Тотальная война. Концептуальные размышления к историческому анализу структур эпохи 1861–1945 // Россия и война в XX столетии. Взгляд из удаляющейся перспективы. М., 2005. С. 11–28; *Байрай Д.* Понятие и опыт тотальной войны (на примере Советского Союза) // Опыт мировых войн в истории России. Сборник статей / Под ред. И.В. Нарского и др. Челябинск, 2007. С. 28–48.

³⁰ *Overmanns R.* Ein Silberstreif am Forschungshorizont? Veröffentlichungen zur Geschichte der Kriegsgefangenschaft // In der Hand des Feindes: Kriegsgefangenschaft von der Antike bis zum Zweiten Weltkrieg / Hg. R. Overmanns. Köln, 1999; *Nachtigal R.* Kriegsgefangenschaft an der Ostfront 1914–1918. Literaturbericht zu einem neuen Forschungsfeld. Frankfurt a/M, 2005.

³¹ См.: *Becker A.* Paradoxien in der Situation der Kriegsgefangenen. 1914–1918 // Kriegsgefangene in Europa des Ersten Weltkrieges / Hg. J. Oltmer. Essen, 2005. S. 24–31.

хий к новым методам ведения войны³². На примере трёх наиболее показательных составляющих немецкого военного плена (системы наказаний, питания и принудительного труда) У. Хинц пришла к выводу, что в годы Первой мировой имевшая место идеологическая тотализация всё же не дошла в этой сфере до своего практического воплощения³³.

Вопрос о преемственности двух мировых войн стимулирует изучение не только масштабов военных действий, но и степени мобилизации воюющего общества, включая экономические структуры и гражданское население³⁴. В этой перспективе закономерен интерес к системе принудительного труда, в рамках которой в Первую мировую «возникла новая карта войны, фронт внутри страны, полностью отличный от поля битвы, но одновременно тесно с ним связанный»³⁵. В новейших работах подчёркивается, что в годы войны весь контрольный и репрессивный потенциал современных государств с их инфраструктурой, техниками управления и средствами насилия впервые был применён для дисциплинирования собственного общества и безоружных солдат противника³⁶. И хотя экономический и имиджевый эффект принудительного труда в Первую мировую войну был далеко не однозначным, авторы констатируют преемственность немецкой системы принудительного труда в годы обеих мировых войн³⁷.

Черты преемственности или различия двух конфликтов историки пытаются выявить и в самом феномене концлагеря, при этом основным объектом дискуссии является так называемый тезис о прототипе – утверждение о решающей роли лагерей Первой мировой войны как предшественников ГУЛАГа и нацистских концлагерей³⁸. Р. Нахтигаль подчеркивает, что в годы Первой

---

³² См.: *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915–1917 гг. // Опыт мировых войн в истории России. С. 83–94.

³³ См.: *Hinz U.* Gefangen im Großen Krieg: Kriegsgefangenschaft in Deutschland. Essen, 2005.

³⁴ *Erster Weltkrieg–Zweiter Weltkrieg: ein Vergleich. Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland [1914–1945]* / Hg. B. Thoss. Paderborn, 2002.

³⁵ См.: *Lingen K. v., Gestwa K.* Zwangsarbeit als Kriegsressource. Systematische Überlegungen zur Beziehungsgeschichte von Krieg und Zwangsarbeit // *Zwangsarbeit als Kriegsressource in Europa und Asien* / Hg. K. v. Lingen, K. Gestwa. Paderborn, 2014. S. 15.

³⁶ *Ibid.* S. 16.

³⁷ См.: *Oltmer J.* Bäuerliche Ökonomie und Arbeitskräftepolitik im Ersten Weltkrieg. Beschäftigungsstruktur, Arbeitsverhältnisse und Rekrutierung von Ersatzarbeitskräften in der Landwirtschaft des Emslandes 1914–1918. Sögel, 1995; *Ленцен И.* Использование труда русских военнопленных в Германии (1914–1918) // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 129–137; *Oltmer J.* Arbeitszwang und Zwangsarbeit, Kriegsgefangene und Ausländische Zivilarbeiter im Ersten Weltkrieg // *Der Tod als Maschinist, der Industrialisierte Krieg 1914–1918* / Hg. R. Spilker. Osnabrück, 1998. S. 96–97; *Herbert U.* Geschichte der Ausländerpolitik in Deutschland 1880–1980. Saisonarbeiter, Zwangsarbeiter, Gastarbeiter, Flüchtlinge. Bonn, 2003; *Rawe K.* Kriegsgefangene, Freiwillige und Deportierte. Ausländerbeschäftigung im Ruhrbergbau während des Ersten Weltkrieges // *Zwangsarbeit im Bergwerk. Der Arbeitseinsatz im Kohlenbergbau der Deutschen Reiches und der besetzten Gebiete im Ersten und Zweiten Weltkrieg* / Hg. K. Tenfelde, H.-Chr. Seidel. Essen, 2005. Bd. 1. S. 35–61; *idem.* «...Wir werden sie schon zur Arbeit bringen!». Ausländerbeschäftigung und Zwangsarbeit im Ruhrkohlenbergbau während des Ersten Weltkrieges. Essen, 2005; *Oltmer J.* Unentbehrliche Arbeitskräfte. Kriegsgefangene in Deutschland 1914–1918 // *Kriegsgefangene im Europa des Ersten Weltkriegs*. S. 67–96; *Tiehl J.* «Menschenbassin Belgien». Anwerbung, Deportation und Zwangsarbeit im Ersten Weltkrieg. Essen, 2007.

³⁸ *Armanski G.* Maschinen des Terrors. Das Lager in der Moderne. Münsters, 1993; *idem.* Strategie des Überlebens. Häftlingsgesellschaften im GULAG und im KZ. Wien, 1996; *idem.* Die Gewaltmaschine. Das Lager als Signum und Stigma des Jahrhunderts // *Ordnungen der Gewalt. Beiträge zu einer politischen Soziologie der Gewalt und des Krieges* / Hg. N. Signar. Opladen, 1999. S. 141–145.

мировой не существовало ещё государственной политики массового истребления военнопленных. Дезинфекционные камеры, которые в Первую мировую использовались для уничтожения насекомых, переносящих тиф, в 1930-х гг. трансформировались в газовые с использованием Циклона-Б³⁹.

Попыткой придать новый импульс казалось бы затихшим дискуссиям о тотализации выглядит работа Р. Чикеринга, в которой концепт тотальной войны соединяется с актуальным методологическим направлением «тотальной истории». На примере Фрайбурга автор пытается продемонстрировать воздействие войны на каждый аспект жизни города, превращая саму войну в основного актора и центральную идею⁴⁰. Индустриальный характер вооружённого противостояния, размывание границ между комбатантами и гражданским населением, первые масштабные эксперименты по трудовой мобилизации мирных жителей способствовали резким сдвигам в социальных, в том числе гендерных, структурах воюющих обществ, стимулируя процессы эмансипации⁴¹. Интерес к отдельным группам населения, их восприятию войны и послевоенному усвоению опыта привел к появлению исследований, посвящённых особенностям военных переживаний маргинальных социальных групп: детей, студентов, дезертиров⁴². Гендерные исследования, первоначально заявленные как описание лишь женской истории, постепенно обратились к анализу соотношения полов в типичных и экстремальных для социума ситуациях. Гендерное измерение войны отражено, в частности, в работах, анализирующих трансформацию «мужественности» в условиях окопной войны, а также её влияние на послевоенное устройство общества⁴³.

Констатированное выше пристальное внимание современных исследователей к социальной истории и «маленькому человеку» обусловило активизацию изучения послевоенных обществ и проблемы возвращения бывших комбатантов к мирной жизни⁴⁴. Авторы, анализирующие положение ветеранов и инвалидов по окончании мировых войн, приходят к выводу, что и в победивших, и в проигравших странах увечные, как правило, воспринимались как болезненное и досадное напоминание о негативной стороне произошедших событий⁴⁵. Иная

---

³⁹ *Nachtigal R.* Op. cit. S. 90, 137–138.

⁴⁰ См.: *Nübel C.* Op. cit.

⁴¹ См.: *Frauen in den Kriegen des 20. Jh.* Stuttgart, 1994; *Heimat-Front: Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege* / Hg. K. Hageman, St. Schüler-Springorum. Berlin, 2002.

⁴² См.: *Nübel C.* Op. cit.

⁴³ См., например: *Männergeschichte. Geschlechtergeschichte. Männlichkeit im Wandel der Moderne* / Hg. T. Kühne. Frankfurt a/M, 1996; *Planert U.* Antifeminismus im Kaiserreich. Göttingen, 1999.

⁴⁴ См., например: *Bieber B.* Wie Kriege enden. Die Reintegration von Soldaten in Nachkriegsgesellschaften. Hamburg, 2002; *Mommsen W.* Vorbemerkung // *Geschichte und Gesellschaft*. 1983. H. 1. S. 153–155; *Geyer M.* Ein Vorbote des Wohlfahrtsstaates. Die Kriegsopferversorgung in Frankreich, Deutschland und Großbritannien nach dem Ersten Weltkrieg // *Geschichte und Gesellschaft*. 1983. H. 1. S. 231; *Kienitz S.* Der Krieg der Invaliden. Körperbilder und Männlichkeitskonstruktionen nach dem Ersten Weltkrieg // *Militärgeschichtliche Zeitschrift*. 60. 2001. H. 2. S. 367–402; *Kienitz S.* «Als Helden gefeiert – als Krüppel vergessen». Kriegsinvaliden im Ersten Weltkrieg und in der Weimarer Republik // *Der Krieg in nationalen und religiösen Deutungen der Neuzeit* / Hg. D. Beyrau. S. 217–237.

⁴⁵ *Bessel R.* Die Heimkehr der Soldaten: Das Bild der Frontsoldaten in der Öffentlichkeit der Weimarer Republik // «Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch...». Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs / Hg. G. Hirschfeld. Essen, 1993. S. 221–239; *Ziemann B.* Die Konstruktion des Kriegsveteranen und die Symbolik seiner Erinnerung 1918–1933 // Hg. J. Döffler, G. Krumeich. Der verlorene Frieden. Politik und Kriegskultur nach 1918. Essen, 2000; *Poeppinhege R.* Kriegsteilnehmer zweiter Klasse? Die Reichsvereinigung ehemaliger Kriegsgefangener, 1919–1933 // *Militärgeschichtliche Mitteilungen*. 2005. № 64. S. 391–423.

ситуация сложилась в новообразованных государствах Восточной Европы. Новейшие исследования Н. Штегманн и Ю. Айхенберг⁴⁶, посвящённые положению ветеранов и жертв Первой мировой войны в Чехословакии и Польше, подчёркивают решающее значение дискуссии о социальном обеспечении данных категорий для легитимации новообразованных государств. В странах, где завершившийся мировой конфликт стал мифом основания государства, носители военного опыта стали не только пропагандистским знаменем, но и критическим мерилom политической состоятельности нового режима.

Одной из центральных тем в современных исследованиях невоенных аспектов Первой мировой является вопрос об усвоении и использовании властью и обществом военного опыта в качестве модели контроля и дисциплинирования отдельных групп и социума в целом, в том числе путём цензуры переживаний и воспоминаний о войне⁴⁷. Война анализируется не только как вооружённое и дипломатическое противостояние, но и как коммуникативное событие, которое приобрело своё значение как «Великая», «современная» и «тотальная» не в последнюю очередь благодаря роли современных медиа в процессах социальной мобилизации, а также в формировании структур коллективной памяти о разразившейся катастрофе⁴⁸. В фокусе исследовательского интереса находятся образы врага в публицистике, плакате и литературе, трансформация традиционных и взлёт новых средств и каналов коммуникации, а также смена эстетических традиций изображения войны, отражающая формирование анонимного пространства массового уничтожения и современного кода коллективной памяти⁴⁹. Смена исследовательской перспективы позволила пересмотреть длительно господствовавшие в историографии представления о массовом воодушевлении «августа 14-го», редуцировав его масштабы до городских слоёв, о роли массовых и групповых ожиданий, осно-

---

⁴⁶ См.: *Stegmann N.* Kriegsdeutungen–Staatsgründungen–Sozialpolitik. Der Helden- und Opferdiskurs in der Tschechoslowakei, 1918–1948. München, 2010; *Eichenberg J.* Stiefsöhne des Vaterlands. Die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges und die Debatte um ihre Versorgung // Nordostarchiv. 2009. S. 176–195; *idem.* Soeldner der Besatzer oder Helden des Unabhängigkeitskämpfers? Die Debatte um die polnischen Veteranen des Ersten Weltkrieges // Die Weltkriege als Symbolische Bezugspunkte. Polen, die Tschechoslowakei und Deutschland nach dem Ersten und nach dem Zweiten Weltkrieg / Hg. N. Stegmann. Praha, 2009. S. 147–168.

⁴⁷ Программной здесь является статья Р. Козеллека: *Koselleck R.* Der Einfluss der beiden Weltkriege auf das soziale Bewusstsein // Der Krieg des kleinen Mannes: erne Militaergeschichte von unten / Hg. W. Wette. München, 1992. S. 324–343. См. также: *Reimann A.* Der Große Krieg der Sprachen. Untersuchungen zur historischen Semantik in Deutschland und England zur Zeit des Ersten Weltkrieges. Essen, 2000; *Lipp A.* Op. cit.

⁴⁸ См., например: *Baumeister M.* Erster Weltkrieg und Weimarer Republik // Krieg und Militär im Film des 20. Jahrhunderts / Hg. B. Chiari. München, 2003. S. 239–243; *Mühl-Benninghaus W.* Vom Augustuserlebnis zur UFA-Gründung. Der deutsche Film im Ersten Weltkrieg. Berlin, 2004; *Oppelt U.* Film und Propaganda im Ersten Weltkrieg. Propaganda als Medienrealität im Aktualitäten- und Dokumentarfilm. Stuttgart, 2002.

⁴⁹ См., например: *Rohkrämer T.* Die Verzauberung der Schlange. Krieg, Technik und Zivilisationskritik beim fñhen Ernst Jñnger // Der Erste Weltkrieg. Wirkung, Wahrnehmung, Analyse / Hg. W. Michalka. München, 1994. S. 849–874; *Fries H.* Die große Katharsis. Der Erste Weltkrieg in der Sicht deutscher Dichter und Gelehrter. 2 Bde. Konstanz, 1994/95; *Kruse W.* Eine Welt von Feinden. Der Große Krieg 1914–1918. Frankfurt a/M, 1997; *Altenhöner F.* Kommunikation und Kontrolle. Gerüchte und städtische Öffentlichkeit in Berlin und London 1914/1918. München, 2008; *Schöning M.* Versprengte Gemeinschaft: Kriegsroman und Intellektuelle Mobilmachung in Deutschland 1914–33. Göttingen, 2009; *Hüppauf B.* Kriegsphotographie // Der Erste Weltkrieg. Wirkung. Wahrnehmung. Analyse. S. 875–911.

ванных на опыте предыдущих конфликтов, о степени влияния женского восприятия войны на коммеморативные конструкции⁵⁰.

Тема культурной (исторической) памяти о Первой мировой войне заняла в историографии этого феномена достойное место уже в конце 1980-х гг., когда *memory studies* оказались на пике популярности в западной историографии. На фоне оживлённого интереса к этому аспекту истории Первой мировой в таких странах, как Великобритания или Франция, немецкая историография некоторое время выглядела достаточно скромно, начав навёрстывать упущенное с 90-летнего юбилея войны. В этой связи П. Хорес назвал поток фильмов и радиопередач, книг и исследований о Германии в Первую мировую своеобразным «повторным открытием сюжета, который когда-то был замещён другими темами, такими как национал-социалистическая диктатура или разделение Германии»⁵¹. Современный историографический ландшафт свидетельствует о стремлении историков выявить формы и способы редукции и трансформации процессов меморизации, реконструировать причины, институты и агентов политики «забывания», найти и показать латентные места памяти, сохраняющиеся в национальных культурах несмотря на репрессирование воспоминаний о важных исторических событиях⁵².

Генеральным тезисом, объединяющим большинство исследований о коммеморации Первой мировой войны в Германии, является признание её формативной роли для политической культуры Веймарской республики и раннего Третьего рейха⁵³. Переработка военных переживаний в различных средах (военно-стратегических дискуссиях, дидактических материалах, музейных выставках, литературе, праздниках, мемориалах и популярной культуре) демонстрирует не менее противоречивый, полный конфликтов процесс, чем работа над нацистским прошлым в разделённой Германии второй половины XX в.⁵⁴

---

⁵⁰ *Raithel T.* Das «Wunder» der inneren Einheit: Studien zur deutschen und französischen Öffentlichkeit bei Beginn des Ersten Weltkrieges. Bonn, 1996; Die Erfahrung des Krieges: Erfahrungsgeschichtliche Perspektiven von der Französische Revolution bis zum Zweiten Weltkrieg / Hg. N. Buschmann, H. Carl. Paderborn, 2001; Kriegsniederlagen, Erfahrungen und Erinnerungen / Hg. H. Carl. Berlin, 2004; *Шенк Ф.Б.* «Августовское переживание»: начало Первой мировой войны как поворотный пункт немецкой истории // НЛЮ. 2012. № 116.

⁵¹ *Höres R.* Rez. ad op.: Der erste Weltkrieg und die Mediendiskurse (URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2006-l-047>).

⁵² См.: *Нагорная О., Никонова О., Раева Т., Ковтунова Ю.* Великая война в Германии и России: коммеморативная политика и культурная память: Практикум. Челябинск, 2012.

⁵³ Одной из новейших публикаций является сборник «Национал-социализм и Первая мировая война» (Nationalsozialismus und der Erste Weltkrieg / Hg. G. Krumeich. Essen, 2010).

⁵⁴ An der Schwelle zum totalen Krieg... S. 336–337; *Pöhlmann M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002. *Bendick R.* Zur Wirkung und Verarbeitung nationaler Kriegskulturen: Die Darstellung des Ersten Weltkriegs in deutschen und französischen Schulbüchern // Kriegserfahrungen. Studien zur Sozial- und Mentalitätsgeschichte des Ersten Weltkrieges / Hg. G. Hirschfeld. Essen, 1997. S. 403–423. *Beil C.* Der ausgestellt Krieg. Präsentationen des Ersten Weltkriegs 1914–1939. Tübingen, 2004; *Thiemeyer Th.* Fortsetzung des Krieges mit anderen Mitteln. Die beiden Weltkriege im Museum. Paderborn, 2010; *Koebner T.* Mit uns zieht die neue Zeit: der Mythos Jugend. Frankfurt/M., 1985; *Unruh K.* Langemark. Legende und Wirklichkeit. Koblenz, 1986; *Hüppauf B.* Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen». S. 238–276; *Koselleck R.* Kriegsdenkmäler als Identitätsstiftungen der Überlebenden // Identität / Hg. O. Marquard. München, 1979; *idem.* Der politische Totenkult. Kriegsdenkmäler in der Moderne. München, 1994; *Tietz J.* Das Tannenberg-Nationaldenkmal. Architektur, Geschichte, Kontext. Berlin, 1999; *Behrenbeck S.* Zwischen Trauer und Heroisierung. Vom Umgang mit Kriegstod und Niederlage nach 1918 // Kriegsende 1918. Ereignis, Wirkung, Nachwirkung / Hg. J. Döppler, G.P. Gross. München, 1999. S. 315–339; *Sährendt C.* Der Stellungskrieg der Denkmäler. Kriegsdenkmäler im Berlin der Zwischenkriegszeit (1919–1939). Bonn, 2004; Der Erste Weltkrieg in der populären Erinnerungskultur / Hg. B. Korte. Essen, 2008.

Перспективным направлением здесь является изучение транснационального измерения культуры памяти о Первой мировой войне, выраженного в формировании межправительственных организаций, международного права, интернациональных ветеранских союзов и совместных военных захоронений.

Характеризуя в целом развитие и актуальное состояние немецкой историографии Первой мировой войны, следует ещё раз подчеркнуть, что особенности становления сближают её с советской/российской традицией восприятия и изучения Первой мировой войны. Для обеих характерны длительная общественная и научная маргинализация Первой мировой, оказавшейся в тени последующих войн и политических пертурбаций, и пробуждение пристального интереса к ней в конце 1980-х гг. Не подлежит также сомнению растущее влияние на современные немецкие исследования по этой тематике основных тенденций мировой историографии: движения от политизации к историзации войны, от традиционной военной истории (*Militärgeschichte*) – к социальной, а затем культурной истории и антропологии войны, от национально замкнутой историографии – к глобальному взаимодействию историков на фоне укрепления англо-американской исследовательской ориентации. Последнее замечание не следует рассматривать как признание вторичности усилий немецких историков. Сделанное немецкой историографией в области изучения Первой мировой войны заслуживает уважения и самого пристального внимания.

Долгое возвращение в Европу: Изучение Первой мировой войны и американская русистика

Ольга Большакова

Поток исторической литературы о Великой войне не иссякает уже почти 100 лет, однако львиная её доля всегда была посвящена Западному фронту. Восточный же фронт, как считается, «открыл» для западного научного сообщества в 1975 г. британский историк Н. Стоун, опубликовавший монографию, в которой впервые на архивных материалах развенчивались многие мифы относительно участия России в войне¹. Помимо истории военных действий он отдал дань и экономической истории, доказывая, что Российскую империю погубила неудовлетворительная логистика, а вовсе не некомпетентность командования и нехватка вооружений. Тем не менее долгое время для зарубежных русистов Первая мировая в какой-то степени оставалась «неизвестной войной»².

© 2014 г. О.В. Большакова

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13-01-00061.

¹ *Stone N. The Eastern front, 1914–1917. L., 1975.* Это была первая работа, написанная историком из союзной державы, до того Восточный фронт анализировался и описывался в основном немецкими исследователями, т.е. с противоположной стороны. См. об этом: *Winter J., Prost A. The Great War in History: Debates and Controversies, 1914 to the present. Cambridge, 2005.*

² Так американские издатели озаглавили посвящённый Восточному фронту шестой том труда сэра Уинстона Черчилля «Мировой кризис»: *Churchill W.S. The unknown war. The Eastern front. N.Y., 1931.*